

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-45-57>

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ЖАНРЫ СОВРЕМЕННОГО ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА: ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Александр Леонидович Дединкин

Витебский филиал Международного университета «МИТСО», Витебск, Беларусь
alexanderdedinkin@yandex.by

Аннотация. В статье определяется сущность экстремистского дискурса как разновидности деструктивной коммуникации. Указывается, что в рамках юрислингвистической парадигмы исследование жанрового репертуара экстремистского дискурса осуществляется с учётом тематики речевого произведения, референтной ситуации, прагмалингвистического и номинативного аспектов, специфических языковых средств и экспрессивности. На материале экспертной практики дана характеристика таким жанрам, как интервью, фельетон и демотиватор.

Ключевые слова: юрислингвистика, экстремистский дискурс, деструктивность, деструктивная коммуникация, жанры речи, юрислингвистическая парадигма

Для цитирования: Дединкин А.Л. Жанры современного экстремистского дискурса: юрислингвистический аспект // Лингвистика и образование. 2024. – Том 4. – №4. – С. 45-57. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-45-57>

Original article

GENRES OF MODERN EXTREMIST DISCOURSE: THE LEGAL LINGUISTIC ASPECT

Aliaksandr L. Dziadzinkin

Vitebsk Branch of the International University “MITSO”, Vitebsk, Belarus
alexanderdedinkin@yandex.by

Abstract. The article defines the essence of extremist discourse as a kind of destructive communication. It is indicated that within the framework of the legal linguistic paradigm, the study of the genre repertoire of extremist discourse is carried out taking into account the subject of the speech work, the reference situation, the pragmalinguistic and nominative aspects, specific linguistic means and expressivity. Based on the material of expert practice, such genres as interviews, feuilleton and demotivator are characterized.

Keywords: legal linguistics, extremist discourse, destructiveness, destructive communication, genres of speech, the legal linguistic paradigm

For citation: Dedinkin A.L. Genres of modern extremist discourse: the legal linguistic aspect, Linguistics & education, 2024. – Vol. 4 – No. 4. – Pp. 45-57. <https://doi.org/10.17021/2712-9519-2024-4-45-57>

Введение

Экстремистский дискурс является разновидностью деструктивной практики. Деструктивность в свою очередь целесообразно рассматривать как характеристику человеческой деятельности, в основе которой лежит направленность на разрушение существующих общественных отношений. Содержание понятия «деструктивность» можно определить только путём комплексного исследования его биологических, психических и социокультурных оснований. В аспекте юрислингвистики дефиницию данного термина предлагаем конкретизировать следующим образом: деструктивность – это характеристика дискурса, в рамках которого адресантом используются конфликтогенные речевые технологии, побуждающие адресата к противоправным действиям.

Опираясь на сформулированную нами дефиницию деструктивности, полагаем, что экстремистский дискурс – это особый тип деструктивной коммуникации, где субъектом речепорождения выступает языковая личность экстремиста, а продуктом является конфликтогенный текстовый корпус, содержание которого имеет соответствующие признаки противоправности.

Исследование дискурса в обязательном порядке предполагает идентификацию его жанров.

Само понятие «речевой жанр» в научный оборот ввёл М. Бахтин. Под речевыми жанрами автор понимал «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [1, с. 242]. Вслед за М. Бахтиным исследованием жанров занимался целый ряд лингвистов. В современном языкознании достаточно устоявшимися являются следующие подходы: общелингвистические, коммуникативно-деятельностный, когнитивный, лингвокультурологический, прагмалингвистический, психолингвистический и др.

Цель и методы исследования

Цель исследования заключается в изучении особенностей жанрового репертуара экстремистского дискурса в рамках юрислингвистической парадигмы.

Приоритетными методами исследования явились дискурсивные методы и приёмы анализа экстремистского текста; традиционные общенаучные методы – наблюдение, описание и теоретическое осмысление материала. В работе проводится системная интерпретация фактологического материала, собранного в ходе экспертной деятельности авторов.

Основная часть

Значительная часть работ в области жанроведения выполнена в рамках общелингвистической парадигмы. *Лексический* подход предполагает толкование семантики наименований жанров. Точного представления о жанрах дискурса эта парадигма не даёт, так как «...одним именем могут обозначаться несколько жанров или их разновидностей и, напротив, один жанр может иметь ряд наименований» [2, с. 90]. *Стилистический* подход предполагает исследование композиционной структуры жанров, характера содержащейся информации и её эмоциональной окраски. В рамках данной парадигмы осуществляется соотношение речевых жанров с тем или иным функциональным стилем. Вместе с тем, уже доподлинно установлено, что на практике жанры способны менять стилевую принадлежность, а также отражать черты одновременно нескольких стилей. В рамках общелингвистических подходов жанр рассматривается как устойчивая структура, что не даёт возможности проследить эволюцию жанровых форм.

Когнитивный (модельный) подход в полной мере соответствует идеям М. Бахтина, который утверждал, что «мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам... Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [1, с. 257]. Таким образом, жанр дискурса – это особая модель высказывания, присутствующая в сознании языковой личности в виде фреймов, своеобразный «речевой стандарт», исходная форма существования речи. В

свою очередь Т. ван Дейк писал: «Если люди формируют модели ситуаций, в которых они участвуют или о которых они читают, представляется вполне очевидным, что они строят и модели коммуникативных ситуаций, участниками которых они являются, порождая или воспринимая речь» [3, с. 70]. В рамках указанной парадигмы исследуется структура жанровых моделей, а также способы их воплощения в процессе коммуникации.

Сторонники *коммуникативно-деятельностного* подхода утверждают, что организация дискурса строится на основе единства коммуникативной и некоммуникативной деятельности людей. В итоге термин «жанр» используется для обозначения типа события, которое может проявляться как в речевой, так и в неречевой формах. Так, по мнению Д. Хаймса [4], такими событиями могут быть беседа, лекция, рассказ, шутка, приветствие и др. Коммуникативное событие включает в себя единую цель, одних и тех же участников, общие тему и правила взаимодействия.

В рамках *прагмалингвистического* подхода жанры дискурса рассматриваются как вербальное средство организации социального взаимодействия. По мнению К. Долинина [5], понятие «жанра» нужно связывать не с коммуникативными событиями, которые могут быть реализованы в рамках одного высказывания (например, приветствия), а с дискурсом, для которого характерны тематическое единство и прагматическая завершённость. Указанная парадигма не противоречит когнитивному (модельному) подходу к понятию жанра. В соответствии с канонами того или иного жанра адресант выстраивает стандартную коммуникативную ситуацию, выполняя предсказуемую для слушающего или читающего роль. В результате адресат принимает заданные автором правила, соотносит своё поведение с предлагаемой моделью. Жанры дискурса, таким образом, являются стереотипами речевого поведения коммуникантов, образцами говорения и письма.

С точки зрения *психолингвистики* рассмотрение жанра осуществляется сквозь призму факторов адресанта и адресата. Так, К. Седов [6] полагал, что

выбор жанровых стратегий определяется типом языковой личности адресата или индивидуальным стилем адресанта. Черты дискурсивного мышления коммуниканта определяют не только стратегию её речевого поведения, но и тактические приёмы, используемые в рамках коммуникации. К примеру, конфликтный тип языковой личности представлен двумя подтипами: агрессивным и манипуляторским.

Особого внимания заслуживает *лингвокультурологический* подход. К примеру, А. Вежицкой [7] были исследованы жанры сквозь призму разработанной ею «теории семантических примитивов». Автором были предложены модели жанров как последовательности простых предложений, где отражены интенции и мотивы адресанта. Так, доминирующей иллокутивной целью в речевом жанре приказа является следующая: «Хочу, чтобы ты это сделал», а речевой жанр вопроса на языке примитивов выглядит следующим образом: «Хочу, чтоб ты представил себе, что я не знаю того, что знаешь ты, и что ты хочешь мне это сказать. Говорю это, потому что хочу, чтобы ты мне это сказал». По мнению исследователя, нужно выделять жанры поддерживаемые данной культурой и не поддерживаемые ею. Указанное суждение исходит из того, что разным культурам свойственны разные коммуникативные модели.

Одним из самых дискуссионных в лингвистике является вопрос классификации жанров дискурса. Это связано, во-первых, с многообразием жанровых форм, а во-вторых, с нечёткостью их границ. По словам В. Дементьева «до сих пор не существует общепринятой типологии ... в лучшем случае это списки речевых жанров, по возможности подробные» [8, с. 155].

Существует целый ряд классификаций речевых жанров, имеющих в своей основе различные критерии. Назовём наиболее значимые из них.

По *формам речи*, в пределах которых происходит их реализация, выделяются жанры устной и письменной коммуникации. С учетом *источника возникновения и сферы функционирования* выделяют первичные и вторичные жанры. Так, к первичным относятся естественно возникшие жанры, которые функционируют в практике бытового общения. Ко вторичным жанрам относят

те, что возникли в условиях высокоорганизованной коммуникации и функционируют во всех сферах общения (медицинской, правовой, научной и т.д.). По *соотнесённости с функциональными стилями* выделяются жанры разговорного, официально-делового, художественного, публицистического, научного общения. По *степени структурной сложности* выделяют простые (одноактные, элементарные) и сложные (многоактные, комплексные) жанры. В соответствии с *целеустановкой* выделяют информативные (предоставление информации); императивные (призыв к действию); этикетные (извинения, благодарности и др.) и оценочные (выражение отношения автора к фактам действительности) жанры.

Рассмотренные подходы с точки зрения современной генристики не противоречат друг другу. Большинство позиций являются актуальными для оценки жанрового своеобразия любого типа дискурса.

В рамках юрислингвистической парадигмы исследование жанрового репертуара осуществляется с учётом целого ряда значимых критериев. Рассмотрим их на примере экстремистского дискурса:

- тематика (религиозная интолерантность, шовинизм, расизм, нацизм, социальная вражда, дискредитация государства и др.);
- референтная ситуация (значимые для автора события, являющиеся триггерными для экстремистских проявлений);
- прагмалингвистический аспект (использование императивных и манипулятивных стратегий коммуникативного воздействия);
- номинативный аспект (использование особых форм обращения к аудитории с целью привлечения единомышленников и сочувствующих);
- специфические языковые средства (инвективная лексика, отрицательная тональность речи, императивы, негативно-оценочные метафоры и др.);
- экспрессивность (эмоциональное напряжение, высокий уровень проявления деструктивной риторики).

Экстремистский дискурс находит выражение в самых разнообразных жанровых формах. Охарактеризуем наиболее значимые из них (интервью, фельетон, демотиватор).

Интервью является одним из наиболее востребованных речевых жанров, который реализуется в форме диалога между журналистом и интервьюируемым лицом. Посредством интервью в экстремистском дискурсе осуществляется популяризация деструктивной идеологии, формируется положительный образ лидера террористической организации. В первом случае идёт речь об экспертном, а во втором – о портретном интервью. Интервьюер и «главный герой» являются соучастниками, выполняющими общую задачу.

Композиционная структура интервью включает вступление (знакомство с респондентом, определение тематики общения), основную часть (вопросы и ответы на них) и концовку (подведение итогов, призывы к «соразмышлению»). Кроме этого, в структуру входит заголовочный комплекс (надзаголовок, подзаголовки отдельных блоков), различного рода «врезки» и «подводки» уточняющего или дополняющего характера.

В процессе интервьюирования задачей модератора является установление соответствующей тональности общения, удержание беседы в необходимом ключе. Среди прочего, важным моментом является выстраивание композиции вопросов. Они могут быть как подготовленными заранее, так и спонтанными, т.е. возникающими в ходе диалога. В зависимости от поставленной цели вопросы могут варьироваться от наводящих (для того, чтобы в нужный момент была раскрыта необходимая тема) до провокационных (для того, чтобы дать собеседнику возможность объяснить свою позицию по наиболее болезненному вопросу). От характера задаваемых вопросов зависит уровень вовлечённости аудитории в процесс слушания или чтения. Конечной целью для модератора является создание положительного образа «героя», формирование позитивных установок в отношении пропагандируемых доктрин.

К самому респонденту при подготовке интервью выдвигаются особые требования. Это, как правило, должна быть хорошо узнаваемая фигура. Именно

поэтому акцентируется внимание на личностных качествах героя, его компетенциях и «экспертности». Тем самым создаётся образ авторитетного собеседника, который способен формировать идеологическую повестку для широкой общественности.

Чтобы удерживать внимание аудитории, респондентом используются различные средства коммуникативного воздействия, в том числе риторические вопросы, апелляции к фонду общих знаний, сравнения, противопоставления и т.д. Для усиления суггестивного эффекта применяются манипулятивные технологии. Эффективным средством воздействия на аудиторию являются эмоционально заряженные слова и образы, которые вызывают сильные отклики. Также в качестве коммуникативной стратегии используется приведение доводов, основанных на ненависти, страхе или чувстве несправедливости.

Адресатом интервью является массовый слушатель или читатель, который, как правило, либо осознанно поддерживает мнение «эксперта», либо интуитивно разделяет экстремистскую идеологию. Кроме «своей» аудитории, подобные интервью привлекают внимание и оппонентов. Это приводит к резкой поляризации мнений, которая в свою очередь провоцирует ещё больший «прогрев» аудитории.

Фельетон относится к оценочным жанрам и для него характерны следующие черты: сатирическая тональность, оппозиционность, полемичность. Как жанр экстремистского дискурса фельетон является одним из инструментов критики государственного строя. Коммуникативная цель указанного жанра заключается в обличении власти. В ходе дистантного общения автором поднимаются «злободневные» проблемы общественной жизни, тем самым осуществляется деструктивное воздействие на сознание и эмоциональную сферу адресата.

Фактор адресанта заключается в выражении автором негативного отношения к виновникам обсуждаемых событий. Субъектом критики могут выступать как органы власти в целом, так и отдельные государственные

служащие. Виновники могут называться прямо, однако чаще – в имплицитной форме, но таким образом, чтобы читатель с лёгкостью догадался, о ком идёт речь. В фельетоне «журналист», как правило, выступает от имени адресата, представляя группу «своих», в то время как государственные служащие отождествляются с группой «чужих». Оппозиция «свой – чужие» используется фельетонистом для дистанцирования власти и народа, а также консолидации граждан, поддерживающих экстремистскую идеологию.

Фактор адресата предполагает установку «журналиста» на массовую аудиторию в условиях отсутствия оперативной обратной связи, свойственной межличностному общению. Правильность понимания адресатом информации обеспечивается коммуникативным фоном, охватывающим целый спектр явлений: «от особенностей социокультурной реконструкции событий и диапазона интерпретации до категории идеологической модальности» [9, с. 15]. Таким образом, предполагается, что адресат должен владеть определёнными знаниями о текущих политических событиях, иметь представления об исторических предпосылках рассматриваемого вопроса. Наличие подобных компетенций позволит адресату декодировать не только эксплицитно выраженную информацию, но и понять подтекстовый смысл высказывания.

Содержание фельетона основано на сатирической интерпретации освещаемых событий. Автор осуществляет анализ политической ситуации, моделирует её ожидаемые последствия. При этом тематическая направленность материала является достаточно стереотипной. В большинстве случаев используются сценарии, в основу которых положена идея дискредитация власти: «правительство коррумпировано», «чиновники творят произвол», «государство – не для народа», «президент – узурпатор» и т.д. Все эти сюжеты строятся, как правило, по одной модели: «субъект политики (орган власти, должностное лицо) → метафорический образ».

Для фельетона характерен особый набор лингвистических средств воздействия на аудиторию. Так, к композиционным средствам можно отнести сегментацию текста (выделение ключевых аспектов), введение в тему через

пролог, выражение основной мысли через эпилог, оформление заголовка особым образом (для привлечения внимания аудитории). Используя смыслоформирующие приёмы (к примеру, мифологизацию образа, искажённую цитацию, авторские дефиниции и др.), адресант транслирует информацию о текущих политических событиях в сатирическом ключе. К стилистическим средствам относятся такие приёмы, как аллюзия, метафора, гипербола, сравнение и т.д. Экспертная практика позволяет сделать вывод о том, что зачастую используется приём креолизации фельетона путём включения в текст карикатур или фотографий.

В лингвистике интернет-мем определяется как речевой жанр, представляющий собой феномен массовой коммуникации. Для него характерны такие черты, как узнаваемость, коллективное авторство, возможность наполнения одной и той же формы новыми смыслами. Визуально мем выглядит следующим образом: рисунок и пояснительная надпись в квадратной рамке.

В экстремистском дискурсе используется такая разновидность мема, как демотиватор. В этом случае поликодовый материал размещается в чёрной рамке. Демотиваторы используются как агитационно-пропагандистское средство в целях распространения экстремистских идей, создаются с целью провокации адресата к обсуждению «злостных» тем, способствуют формированию негативных стереотипов о различных социальных группах, обеспечивают распространение фейковой информации с целью манипуляции общественным мнением.

Назовём характерные черты демотиватора как жанра экстремистского дискурса:

- распространение в интернет-пространстве с огромной скоростью, массовое тиражирование среди пользователей;
- обладание простой и запоминающейся визуальной формой, способствующей эффективному восприятию информации;
- модификация отдельных компонентов в ходе адаптации базовых единиц под идеологические установки отдельных авторов;

- образование группы «родственных» единиц, объединённых общей интенцией и схожим оформлением;
- апеллирование к негативным чувствам людей, содействие разжиганию вражды или розни по тому или иному признаку;
- создание доступного для понимания продукта, ориентация на среднестатистического пользователя;
- снижение уровня «серьёзности» посредством юмористической подачи материала;
- использование полимодальной коммуникативной стратегии, позволяющей транслировать информацию посредством нескольких каналов;
- возникновение в качестве реакции на актуальные события общественной жизни, тренды, обусловленность конкретным социально-историческим контекстом.

Выводы

Экстремистский дискурс является разновидностью деструктивной коммуникации. В рамках юрислингвистической парадигмы исследование жанрового репертуара экстремистского дискурса осуществляется с учётом тематики речевого произведения, референтной ситуации, прагмалингвистического и номинативного аспектов, специфических языковых средств и экспрессивности. Для экстремистского дискурса характерно использование таких жанров, как интервью, фельетон, демотиватор, а также памфлет, интернет-комментарий, репортаж, экспертное мнение и т.д. Материалы экстремистского содержания в любой жанровой форме, как правило, распространяются на различного рода медийных площадках, которыми выступают социальные сети, мессенджеры, специализированные блог-платформы и иные «новые медиа». Успешность воздействия на адресата определяется числом подписчиков и посещаемостью ресурса. Формат интернет-коммуникации, безусловно, усиливает воздействие на реципиента, создаёт эффект тесного взаимодействия с аудиторией.

Исследование подготовлено при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Судебная лингвистическая экспертиза поликодовых текстов

Список источников

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 88-99.
3. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 308 с.
4. Hymes D. Sociolinguistics and the Ethnography of Speaking / D. Hymes // Social Anthropology and Language. – 1971. – Pp. 47-93.
5. Долинин К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К.А. Долинин // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 7-13.
6. Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К.Ф. Седов // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 35-73.
7. Вежбицка А. Речевые жанры / А. Вежбицка // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 99-111.
8. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600 с.
9. Добросклонская Т.Г. Что такое медиалингвистика? / Т.Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 2. – С. 9-17.

References

1. Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Art, 1979. – 424 p.
2. Shmeleva T.V. Model' rechevogo zhanra [A model of the speech genre]. Zhanry rechi [Genres of speech], 1997. – No. 1. – Pp. 88-99.
3. Van Dejk T.A. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress, 1989. – 308 p.
4. Hymes D. Sociolinguistics and the Ethnography of Speaking / D. Hymes // Social Anthropology and Language. – 1971. – Pp. 47-93.
5. Dolinin K.A. Rechevye zhanry kak sredstvo organizacii social'nogo vzaimodejstviya [Speech genres as a means of organizing social interaction]. Zhanry rechi [Genres of speech], 1999. – No. 2. – Pp. 7-13.
6. Sedov K.F. O zhanrovoj prirode diskursivnogo myshleniya yazykovoj lichnosti [On the genre nature of discursive thinking of a linguistic personality]. Zhanry rechi [Genres of speech], 1999. – No. 2. – Pp. 35-73.
7. Vezhbicka A. Rechevye zhanry [Speech genres]. Zhanry rechi [Genres of speech], 1997. – No. 1. – Pp. 99-111.
8. Dement'ev V.V. Teoriya rechevyh zhanrov [Theory of speech genres]. Moscow, Sign, 2010. – 600 p.
9. Dobrosklonskaya T.G. Chto takoe medialingvistika? [What is media linguistics?]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Bulletin of the Moscow University. Linguistics and Intercultural Communication Series], 2004. – No. 2. – Pp. 9-17.

Дединкин
Александр
Леонидович

кандидат исторических наук, доцент, Витебский филиал Международного университета «МИТСО», Витебск, Республика Беларусь
alexanderdedinkin@yandex.by

**Dziadzinkin
Aliaksandr
Leonidovich**

candidate of history, associate professor, Vitebsk Branch of the International
University “MITSO”, Vitebsk, Republic of Belarus
alexanderdedinkin@yandex.by